

УДК 811.161.1

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ИМЕН
СОЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ *БАРИН* И *БОЯРИН*
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XVIII – XX вв.***Т.И. Галеев***Аннотация**

В статье рассматривается эволюция лексических значений слов *боярин* и *барин* и их производных через призму исторических изменений в разные периоды становления русской языковой картины мира. Изучение лексем социальной семантики помогает охарактеризовать аксиологический плюрализм применительно к сословным наименованиям лиц, а также дает возможность описать исторические изменения в жизни общества. В заключении статьи подтверждаются тезисы о переходе лексемы *боярин* из сословной терминологии в научно-историческую и расширении значения лексемы *барин*, которая вышла из узкой области сословной лексики.

Ключевые слова: социальная структура, сословный термин, титул, русский менталитет.

Социально-политические процессы последних лет вызвали изменения в разных сферах русского языка, особенно заметные – в его лексическом составе. Необходимо учитывать, что «сдвиги в значениях слов, развитие у слов новых значений, образование новых слов и т. д. обусловлены изменениями в объективной действительности» [1, с. 19]. Этот тезис подтверждается историей лексико-семантической группы, обозначающей различных представителей социальной структуры общества, – одного из наиболее древних и в то же время динамично развивающихся пластов лексики. Как известно, изменения в социуме связаны прежде всего с разделением его на определенные группы. При этом в разное время общество делилось на подобные группы неодинаково, одни социальные общности приходили на смену другим. Однако обращает на себя внимание тот факт, что основной набор наименований общественных групп в целом остается постоянным в языке, при этом наблюдается определенная подвижность семантики слов, их обозначающих. В связи с этим интересно проследить, как изменения общественных отношений отражались и отражаются в языке, в частности на некоторых словах данной лексико-семантической группы. К числу подобных слов необходимо отнести *барин/боярин* как наиболее частотные в пределах указанной группы.

Известно, что лексема *барин* исторически является сокращением слова *боярин*. В современном русском языке множественная форма слова *барин* несколько архаична – *баре* и *бары*. Происхождение самого слова *боярин* до конца

не выяснено. По одной версии, оно происходит от славянского *бой* ‘воитель’, или *болий* ‘большой’, по другой – от тюркского слова *баяр* (мн. ч. *байлар*) ‘вельможа, богатый муж, господин’, по третьей – от исландского *боearмен* ‘знатный человек’, по четвертой – от позднелатинского *baro* (слово франкского происхождения) с первоначальным значением ‘человек, мужчина’ [2, с. 111–112].

В древнерусских текстах («Сказание о Соломоне и Китоврасе...» XV в., «Хронограф Дорорея Монеувасийского» XVII в.) можно обнаружить иное написание: *болярин*, во мн. ч. – *боляре*.

В исторической терминологии лексема *боярин* выступает в качестве термина. Для терминологии характерны свои особые изменения, о которых В.П. Даниленко пишет: «В термине, представляющем собой соединение языкового знака и дефиниции, возможно при постоянстве языкового знака изменение дефиниции. Это происходит в условиях эволюции понятия, становления его на разных этапах развития научных знаний» [3, с. 81]. Это утверждение можно проиллюстрировать историческими изменениями и в пределах лексемы *боярин*.

В Киевской Руси *бояре* являлись владельцами наследственных уделов земли – вотчин, в пределах которых они пользовались абсолютной властью. В то же время они служили князю в качестве дружинников. Так, в Русской Правде 1054 г. можно прочесть: *если не будет никто мстить, то 80 гривен за убитого, если будет княжеский муж или княжеский управитель; если будет русин, или гридь, или купец, или боярский управитель¹, или мечник, или изгой, или словенин, то 40 гривен за убитого* (цит. по (ПРП, с. 87)). Указанный документ характеризует сложившееся во времена Ярослава Мудрого феодальное хозяйство князей и бояр с их управителями, старостами и зависимыми людьми, свидетельствуя о довольно высоком статусе бояр в обществе.

На этапе объединения Руси (1478–1514) привилегированным классом являлась высшая аристократия, и прежде всего бояре. При этом определенные слои аристократии назывались *дворянами* и *детьми боярскими*. Это отражено, в частности, в Судебнике 1497 года: *А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти Дворьскому, и старосте и лутчимь людем* (Судеб.).

До XVI века, периода становления централизованного государства, бояре являлись вассалами князя и были обязаны служить в княжеском войске. Начиная с XVI века слово *боярин* изменяет свое значение, что связано с расширением полномочий служилых людей, к которым относились и бояре. Изначально в состав думы Московского государства входили только бояре в древнем значении этого слова, то есть свободные землевладельцы. Затем с превращением их в служилых людей возникло разделение на бояр вообще и *бояр служилых* в точном смысле. Высший класс служилых бояр именовался *боярами введенными*, то есть введенными во дворец для постоянной помощи великому князю (позже – царю) в делах управления.

События, связанные с возвышением Московского княжества и объединением русских земель вокруг Москвы, привели к созданию *Боярской думы* – высшего совещательного органа при Великом князе – взамен существовавшей ранее

¹ Здесь и далее в цитатах выделение полужирным принадлежит нам.

Княжеской думы, что повысило статус бояр в обществе: их мнение стало учитываться при принятии важных государственных решений и обсуждении новых законов. Положение бояр в государственной системе этого периода описывается во многих древнерусских текстах. *С благословением патриаршим государь повелел и бояре приговорили* – так были подписаны важнейшие акты того времени, отраженные в «Беляевском летописце» XVII века.

Однако после смерти Василия III в составе боярства происходят существенные изменения, обусловленные репрессивной политикой Ивана IV в отношении активных представителей сословия, сопротивлявшихся централизации государственной власти; особенно сильный удар по боярам нанесла опричнина. Таким образом, в рядах боярства оставались лишь те, кто не имел политических амбиций, не стремился участвовать в управлении государством. Эти изменения нашли отражение в русских фольклорных текстах: *Были были (была была), и бояре волком были* (имеются в виду времена Ивана Грозного).

Как известно, «литературный язык, как и жизнь общества, не представляет собой нечто застывшее, данное раз и навсегда, он постоянно совершенствуется» [4, с. 145]. На исторические преобразования в обществе язык реагирует достаточно гибко, что проявляется как в актуализации слов, ранее почти не использовавшихся, так и в изменении основного плана содержания лексем, активно функционирующих. Что касается рассматриваемого нами социального термина, то он в литературном языке XVIII века теряет свою значимость и становится менее частотным в силу ряда причин. Во-первых, к концу XVII века одни знатные боярские роды угасли, другие экономически ослабли. Во-вторых, петровские реформы существенно изменили социальные отношения в государстве, отменив многие старые московские титулы, в том числе и боярское звание. Следствием этого явилось то, что лексема *боярин* в языке XVIII в. постепенно расширило свой семантический объем, одновременно изменилась и сфера его употребления. «В паре *барин – боярин* терминированный способ обозначения противопоставляется неосложненно-номинативному способу обозначения» [5, с. 124]. Существовавшие до сих пор наименования лиц, принадлежащих к определенному сословию, вступают в синонимические отношения со словом *барин*, относящимся уже к общеупотребительному лексическому фонду: *барин* – это *господин, хозяин, владелец, дворянин, пан, помещик, аристократ, белоручка, белая кость, голубая кровь* (ЭСС). Отсюда и представление о барине как о важной персоне, способной решить многие проблемы простого народа. Именно эта особенность русского менталитета – надежда на «доброе барина» и вера в «доброе царя», который наконец явится и поможет простым крестьянам – отражена в известном стихотворении «Забытая деревня» Н.А. Некрасова: *«Вот придет барин – барин нас рассудит, // Барин сам увидит, что плоха избушка, // И велит дать лесу», – думает старушка* (НКРЯ). Одновременно слова *барин* и *боярин*, вступая в синонимические отношения с одной из приведенных выше лексем, приобретают дополнительную экспрессивно-эмоциональную окраску: *барин – белоручка – белая кость – голубая кровь*. По мнению Е.Н. Толикиной, «экспрессивно-эмоциональные значимости, непременно связанные с выражением отношения к предмету речи, пополняют слой стилистически окрашенной лексики. <...> Объяснение этому надо искать в характере выражаемого ими содержания,

субъективного, вторичного, представляющего сложную гамму оценок и отношений» [6, с. 83].

Приведенные синонимы уже принадлежат сфере общеупотребительной лексики и не являются терминами, лишней раз подтверждая положение о возможности синонимических отношений между термином и нетермином. Эмоционально-экспрессивные оттенки значений приведенных выше синонимов реализуют негативное представление о человеке, принадлежащем к определенному сословию, что способствует превращению их в стилистические синонимы, которые, по мнению А.А. Реформатского, «называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи» [7, с. 88]. На основании синонимического словоупотребления бывший сословный термин *боярин* приобретает негативные оттенки, выражая эмоционально-окрашенную характеристику человека, что противоречит требованию однозначности термина. А.И. Моисеев, признавая эмоционально-экспрессивную нейтральность неизменным свойством любого термина, в то же время утверждает, что «эмоционально-стилистические качества термины приобретают лишь в несобственных условиях и контекстах их употребления» [8, с. 138].

Поскольку слово *барин* было чрезвычайно частотным и в литературном, и в разговорном языке XIX века, оно послужило основой для появления целого ряда производных слов конкретной и отвлеченной семантики, о чем свидетельствуют данные известного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля:

барство – состояние, быт барина; а также в качестве собирательного существительного – группа людей, принадлежащих к высшему сословию;

барщина – вотчина, барское имение; все барское вообще, работная повинность крестьян владельцу, обязательные работы: *Нужда учит, а барщина мучит*;

барщинское сено – сено, скошенное на барщине;

барщинник/барщинница – крестьянин, выполняющий обязанности в связи с зависимостью от *барщины*;

полубарин – человек среднего сословия; человек барского, незаконного рода (СД).

В литературном языке XIX века производная от *барин* лексема *барщина* была еще достаточно частотной, о чем свидетельствуют данные художественных текстов того времени. Так, в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» находим: *В своей глуши мудрец пустынный, // Ярем он барщины старинной // Оброком легким заменил; // И раб судьбу благословил* (НКРЯ).

Именно в языке XIX века появилось множество производных от слова *барин*, отразивших наиболее важные (и соответственно преобразованные в семантическом плане) характерные особенности представителей данного сословия: *жить барином, по-барски* ‘широко, пышно, в изобилии’.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о словах социальной семантики: «В языковом разнообразии отражаются различия специальностей, сословий, уровней образования и т. п.; подобного рода разнообразие сказывается и в употреблении слов со своеобразным значением и в своеобразном языковом мировоззрении» [9, с. 191]. Данное утверждение применимо и к производным от слова *барин*, чрезвычайно употребительным в языке XIX – XX веков. К их числу необходимо

отнести слова, образованные по модели со значением ‘наименование лиц женского пола по мужскому’. По этой модели образовались слова *боярыня/барыня* и *барышня/боярышня*.

Боярыня (употр. *барыня*) – изначально ‘жена бояринова, госпожа’, в дальнейшем – любая благородная женщина (СД). Лексема *барыня* часто выступает во фразеологии. В словаре В.И. Даля мы можем найти такие пословицы и поговорки, как: *угорела барыня в нетопленной горнице; кабы барынька не уськала, так бы и барин не лял; сидит барыня (баба) на печке в белой епанечке*.

Наряду с наименованием лиц женского пола по мужскому (‘жена представителя высшего сословия, представительница высшего сословия’) на Руси вплоть до XIX в. существовало наименование особой должности – *барская барыня* – ‘хозяйка, ключница, наперсница в барском доме’ (СД). В словаре В.И. Даля можно найти примеры функционирования этой лексемы в народно-разговорной речи: *барская барыня хаживала не в сарафане, а в юбке и кофточке, шугает; пришлось и барской барыне тошнехонько; не по чем барской барыне плакать* (СД).

Наряду с лексемами *барыня/боярыня* среди наименований лица женского пола по мужскому в художественной литературе XIX – XX вв. достаточно часто встречается слово *барышня/боярышня*, служащее для обозначения боярской дочери и всякой благородной девицы: *Она думала... но можно ли с точностью определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роце, в шестом часу весеннего утра?* (НКРЯ, А.С. Пушкин); *И одеваешься, как барышня, и прическа тоже* (НКРЯ, А.П. Чехов).

Лексема *боярыня* характеризовалась большей терминологической нагрузкой, что обусловило низкую частотность ее употребления в русском языке после упразднения боярского сословия. Однако лексема *барыня*, как и соответствующее *барин*, приобрела дополнительную экспрессивную коннотацию в русском языке XIX века, особенно на уровне народно-разговорной речи.

В боярском, а затем и дворянском быту XIX в. существовало понятие *барская барышня* – ‘любимая, приближенная к госпоже девушка, дворовая или приживалка’ (СД). В конце XIX – начале XX в. *барышня* – это уже не лицо, именуемое по отношению к барину (девушка из барской семьи), а ‘женщина, молодая девушка’ (простореч.), ‘незамужняя’ (простореч.), позже – ‘служащая в учреждении, в магазине’ (разг. дореволюц.), например *телефонная барышня* (СД).

В русской культуре и языке XIX века лексема *барышня* представлена значительно шире, чем соответствующая ей *барыня*, сохранившаяся в значительной степени благодаря известной картине В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». Закрепилось в языке и выражение *тургеневская барышня*, синонимичное *тургеневской девушке* – чистой, порядочной, доброй и нежной, тонко чувствующей, но в то же время умной, смелой и решительной (по аналогии с героинями романов И.С. Тургенева). Именно такими предстают женские образы, созданные писателем: Елена Стахова (роман «Накануне»), Наталья Ласунская (роман «Рудин»), Зинаида (повесть «Первая любовь») и др. Н.С. Гумилев, обращаясь к этому образу в своем стихотворении «Девушке», писал: *Героиня романов Тургенева, // Вы надменны, нежны и чисты, // В вас так много безбурно-осеннего // От аллеи, где кружат листья* (Н.Г.).

Еще одно устойчивое словосочетание со словом *барышня* – *кисейная девушка/барышня* ('жеманная девушка с мещанским кругозором' (ТСО)). Впервые в литературе это выражение появилось у Н.Г. Помяловского в повести «Мещанское счастье»: *Я пыталась развить ее... По крайней мере понять, может ли она развиться. Бывают натуры нетронутые, а эти? Кисейная девица, девица-душка!; Жаль, невыносимо жаль стало ему эту бедную девушку... глупенькую, кисейную девушку <...> Суждено уж так, что из нее выйдет не человек-женщина, а баба-женщина* (Н.П.).

Выражение *кисейная барышня* с 60-х годов XIX в. прочно вошло в язык русской художественной литературы и публицистики, а также в разговорную речь интеллигенции. Так, в рассказе П.Д. Боборыкина «Распад» находим: *Я все могу читать, все понимаю и не намерена прикидываться наивностью. Это прежде были кисейные барышни* (П.Б., т. 4, с. 7).

В воспоминаниях С.И. Лаврентьевой «Пережитое» читаем о 60-х годах XIX в.: *Вместе с молодежью, мужчинами взбудоражились и наши женщины, которые до того, как в старину боярышни в теремах, за мамушками да нянюшками, да санными девушками сидели за пяльцами, так и позднее сидели белоручками, кисейными барышнями (как их прозвал Н.Г. Помяловский) за оравой крепостной дворни...; ...Мы с сестрой не были ничего не делающими кисейными барышнями, не знающими, как убить время* (Л.С., с. 39, 41).

В.В. Виноградов в известном исследовании «История слов» пишет, что «выражение *кисейная барышня*, пушенное в широкий литературный оборот Н.Г. Помяловским в 60-е годы, укрепилось в интеллигентской речи и в публицистическом стиле как едко-ироническая характеристика женского типа, взлелеянного старой дворянской культурой. Но постепенно, с изменениями общественного быта, экспрессивные краски в этом выражении тускнеют, и оно уже в начале текущего столетия отходит в архивный фонд русской литературной речи, хотя и появляется иногда на широкой арене общелитературного языка» [10, с. 254].

Таким образом, лексема *барыня/боярыня* значительно отличается от *барышни/боярышни* частотностью и сферой употребления. Слово *барышня* перестает означать принадлежность к сословию и начинает использоваться при обращении к лицу женского пола, а в языке конца XX – начала XXI века *барышня* используется в качестве ироничного обращения к женщине или в сочетании с притяжательным местоимением по отношению к спутнице жизни. Например, у С.Д. Довлатова: *Она спросила: – Это что же, барышня твоя? – Жена, – говорю; У противоположного тротуара стоял микроавтобус. Рядом прогуливалась барышня в джинсах* (НКРЯ). Подобное словоупотребление свидетельствует о том, что лексема *барышня* уже давно утратила сословное значение и используется лишь при обращении к молодой девушке при определенной эмоционально-экспрессивной окраске.

Производной от интересующих нас слов *барин/боярин* является и лексема *барчонок*, которая обладает дополнительной коннотацией и используется в литературном языке XIX и даже XX века с определенной окраской: *У него была жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая – дюжинное и тяжелое создание; был и сынок, настоящий барчонок, избалованный и глупый* (НКРЯ, И.С. Тургенев);

Вот вам **барчонок**, прошедший обычную выучку сословно-военную, а гвардейским офицером он сближается с кружком тогдашних социальных мечтателей (НКРЯ, П.Д. Боборыкин); Он был трусливый, преуспевающий, хлипкий московский **барчонок**, орущий на секретарей и швыряющий об пол дорогие ручки (НКРЯ, Т.В. Устинова).

Обращает на себя внимание тот факт, что частота употребления лексемы *барин* в художественных текстах значительно возрастает по направлению к современности, что связано, безусловно, с ее изменившейся семантикой. В русской литературе XIX и XX вв. можно найти примеры, где слово *барин* используется в сравнительных оборотах при характеристике персонажей, относящихся к числу представителей привилегированного сословия. *Подавай ему того, другого; да как покрикивает на людей – словно барин какой* (НКРЯ, М.Н. Загоскин); *Да все оттого, что Обломов, как барин, не хочет и не умеет работать и не понимает настоящих отношений своих ко всему окружающему* (НКРЯ, Н.А. Добролюбов); *При этом у «его благородия» хватало совести насмеяться над заключенным, который – «ишь ты, моется в ванне, как барин»* (НКРЯ, В.Г. Короленко); *Теперь, как барин, на всем готовеньком в тюрьме – никто такое золото не украдет, и еще передачу требует* (НКРЯ, В.П. Астафьев).

Увеличение числа подобных сравнительных оборотов с использованием лексемы *барин* связано с экстралингвистическими факторами, характерными чертами, важнейшими качествами, присущими исследуемой социальной группе и отношением к ней в обществе. *Барин* становится своеобразным новым словом, которое, по словам В.В. Виноградова, «выражает и отражает сдвиги общественного сознания в целой системе мыслей, представлений и оценок. Поэтому-то в новом слове прежние признаки и мысли, прежнее понимание и оценка предмета решительно преобразуются» [10, с. 254].

О том, что лексема *барин* по направлению к современности утрачивает свое сословное значение и начинает приобретать дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску, в том числе негативную, свидетельствуют материалы «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова, в которых отмечено несколько значений для слова *барин* в языке XIX – XX вв.:

1. Помещик, дворянин-землевладелец (дореволюц.). *Купишь дом многоэтажный, схватишь крупный чин и вдруг станешь барин важный, русский дворянин* (Н.А. Некрасов);

2. Лицо, принадлежащее к господствующим, эксплуатирующим классам (разг., теперь презрит.). *Стали баре скулить, бар заморских молить: «Ой, верните нам землю и банки»* (Д. Бедный);

3. Хозяин (по отношению к прислуге; разг. дореволюц.). *Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что он барин, и презиравшая меня за то, что я лакей* (А.П. Чехов);

4. Лицо, принадлежащее к обеспеченному и образованному слою городского населения, интеллигент (дореволюц. разг. или ирон.). *Одет барином*;

5. Обращение к лицу интеллигентного вида (простореч. дореволюц.). *Пожалуйте, барин, доведу!* (ТС).

Значительные изменения в семантике слова *барин* в русском языке произошли в эпоху социалистической революции. Вот как об этом писал В.В. Вино-

градов: «Ликвидация классов приводит к постепенному отмиранию классовых и сословных диалектов. Уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом. Разительны изменения в экспрессивной окраске, сопровождающей слова, относящиеся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям прошлого, дореволюционного быта, например: *господин* (теперь – за пределами дипломатического языка – всегда с эмоцией враждебности и иронии), *барин*, *благотворительность*, *чернь*, *жалованье* и др.» [11, с. 62].

Изменившаяся семантика слова *барин* связана уже с новым положением человека в обществе, с его индивидуальными особенностями, его характеристиками. ТСС отмечает именно это новое значение слова *барин*: ‘Человек, который не любит трудиться, перекладывает работу на других’ (разг.), и в качестве примеров в словаре приводятся фразеологизмы: *всю жизнь прожил барином и сибаритом*; *сидеть барином*.

В современной журналистике лексема *барин* используется чаще всего для иронического описания знаменитостей, которые ищут свои дворянские корни, а также для высмеивания аристократических наклонностей отдельных представителей общества. Именно в таком значении данная лексема используется в заголовке статьи «Спасти рядового **барина**» о новом фильме Н.С. Михалкова «Утомленные солнцем – 2» (СРБ).

О.П. Ермакова утверждает, что «сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Много смешалось, перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, что некоторые наблюдаемые сейчас явления в области значений слов кажутся недолговечными... но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно» [12, с. 34]. Это утверждение касается и лексико-семантической группы, обозначающей лиц по социальному положению. Она достаточно тесно связана с современным состоянием общества, поэтому наблюдаемые внутри нее изменения носят динамический характер.

Summary

*T.I. Galeev. Functional Features of the Personal Names of Social Semantics *Barin* and *Boyarin* in Russian Linguistic World-View in the 18th–20th Centuries.*

This article discusses the evolution of lexical meanings of the words *boyarin* and *barin* and their derivatives in the light of historical changes that took place in different periods of formation of the Russian linguistic world-view. Analysis of the lexemes of social semantics makes it possible to characterize axiological pluralism in terms of social-class personal names and to describe historical and ideological changes in a society. As a result of the study, the following conclusions can be made: a) the lexeme *boyarin* has passed from social-class terminology into scientific-historical terminology; b) the lexeme *barin* has extended its meaning and came out of the narrow field of social-class vocabulary.

Key words: social structure, social-class terms, title, Russian mentality.

Источники

- СД – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый_словарь_Даля,_свободный.
- ТС – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый_словарь_Ушакова,_свободный.
- ТСО – Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – URL: http://moshkov.cherepovets.ru/cgi-bin/html-KOI.pl/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt, свободный.
- ТСС – Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=732>, свободный.
- ЭСС – *Тришин В.Н.* Электронный синонимический словарь-справочник русского языка системы ASIS, версия 6.2, 1 марта 2011 г. – URL: <http://www.trishin.ru/dictionary/dict2011.zip>, <http://www.trishin.ru/left/dictionary/#search>, свободный.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.
- ПРП – *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
- Судеб. – Судебник 1497 г. // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1985. – URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_01.htm, свободный.
- Н.Г. – *Гумилев Н.* Девушке. – URL: <http://www.gumilev.ru/verses/208/>, свободный.
- Н.П. – *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. – URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0010.shtml, свободный.
- П.Б. – *Боборыкин П.Д.* Собрание романов, повестей и рассказов: в 12 т. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1897.
- Л.С. – *Лаврентьева С.И.* Пережитое. Из воспоминаний. – СПб., 1914. – 330 с.
- СРБ – Спасти рядового барина. – URL: <http://www.vz.ru/culture/2010/4/19/394414.html>, свободный.

Литература

1. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 279 с.
2. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. – М.: Олма-Пресс, 2003. – Т. 1: А–М. – 784 с.
3. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
4. *Шкляревский Г.И.* История русского литературного языка (вторая половина XVIII – XIX в.). Цикл лекций. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1967. – 199 с.
5. *Котелова Н.З.* К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122–126.
6. *Толикина Е.Н.* Синонимы или дублиеты? // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 78–89.
7. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
8. *Моисеев А.И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127–139.

9. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
10. *Виноградов В.В.* История слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
11. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Т. 4: История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 322 с.
12. *Ермакова О.П.* Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 480 с.

Поступила в редакцию
25.08.11

Галеев Тимур Ильдарович – аспирант кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: galeevt87@gmail.com, galeevt_@mail.ru